

ПРАВая ПЕЧАТЬ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК: PRO ET CONTRA

В отечественной историографии, несмотря на относительную изученность проблем социально-экономической истории белорусских губерний в XIX – начале XX вв., до сих пор остается малоисследованным целый ряд вопросов политической истории: от внутренней политики российского правительства до истории общественно-политической мысли. В частности, практически вне поля зрения историков оказалась вся местная правая пресса, издававшаяся в белорусских губерниях Северо-Западного края. Если «Наша ніва» известна любому школьнику и удостоилась факсимильного переиздания, то такие газеты как «Белая Русь» (1906 г.), «Северо-Западная жизнь» (1911–1915 гг.) или «Белорусский вестник» (1912–1913 гг.) известны лишь специалистам, причем иногда только по названию.

Показательно, что в коллективном труде «Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)» весь параграф о периодической печати, несмотря на указание, что только в 1906 г. в крае издавалось более 60 газет и журналов, оказался посвящен только характеристике «Нашей нівы» и нескольких белорусскоязычных изданий [1]. Вместе с тем публицистика местных консервативных и либерально-консервативных газет позволяет реконструировать общественно-политическую мысль значительной части белорусской интеллигенции. При этом основная методологическая трудность заключается в невозможности ее решения вне реконструкции идеологического контекста, который задавал отношение к языковому вопросу в начале XX в. Полемика на страницах этих газет не являлась академической дискуссией, хотя публицисты обращались и к филологическим аргументам. Позиция периодических изданий определялась политической борьбой за право утвердить свое видение белорусской идентичности, в том числе и по проблеме литературного языка, среди местной интеллигенции, общественно-политических деятелей, партий и администрации.

Следует сразу оговориться, что на страницах газет «Белая Русь», «Северо-Западная жизнь», «Белорусский вестник» – наиболее авторитетных и массовых среди консервативных изданий того времени – отрицалась необходимость создания белорусского литературного языка. Как правило, далее констатации и негативной оценки этого факта большинство историков и филологов не идет [2; 3; 4]. Вероятно, потому, что с точки зрения нашего современника, для которого белорусская словесность и язык – очевидный факт и культурная ценность, такое отношение к белорусскому языку представляется, по меньшей мере, заведомо неверным. Однако это классическая ошибка модернизации, когда современные для исследователя реалии и представления переносятся на господствовавшие в прошлом отношения. Напомним, что в начале XX в. современный белорусский литературный язык и художественная литература еще только делали свои первые шаги. В результате взгляды антагонистов редакции «Нашей нівы» до сих пор «недостаточно освещены в науке и часто искажаются в соответствии с пристрастиями тех или иных авторов» [5, с. 676].

Вместе с тем последующий исторический опыт показал, что ни проекты языковой политики «Нашей нівы», ни ее оппонентов из «Белорусского вестника» или «Северо-Западной жизни» в полной мере не осуществились. Судьба белорусского литературного языка в прошедшем столетии оказалась более сложной, чем это представлялось публицистам по обе стороны барьера накануне Первой мировой войны. Это придает актуальность изучению данной темы. Кроме того, в белорусском обществе при обсуждении вопросов языковой политики иногда актуализируются аргументы вековой давности, что заставляет нас вновь обращаться к забытым уже газетным страницам.

Публицисты белорусских консервативных изданий отвергали идею разработки литературного языка и радикальной белоруссизации системы образования, поскольку полагали, что это отбросит назад культурное развитие белорусского крестьянства. В частности, стремление к созданию на основе белорусских диалектов литературного языка воспринималось как «попытка бесплодная, заранее обреченная на неудачу» и «вредная» [6, с. 1]. Это лишь отвлечет «часть сил народных», которые ищут выхода «из беспросветной нужды и темноты» с «единственно правильного пути культурной работы и просвещения на почве теснейшего единения с другими русскими народностями» [6, с. 1]. Языковая политика, пропагандировавшаяся «Нашей нівой», ведет на «ложный путь самобытного устроения жизни и позаимствования культуры более далекой и чужой» [6, с.1]. Показательно, что связь русского языка и культуры не мыслилась в категориях противостояния с западноевропейской культурой. По мнению публицистов «Белорусского вестника», попытка «Нашей нівы» придать противостоянию с русским языком смысл борьбы за европейскую культуру не имеет оснований, поскольку сама русская культура является «также заимствованной с запада, но применительно к условиям нашей действительности видоизменившейся, а потому и наиболее отвечающей стремлениям и жизненным требованиям белоруса» [6, с. 1]. Авторов «Нашей нівы» призывали к признанию того, что «семилетний опыт насаждения белорусского литературного языка убедил их в полной несостоятельности этих попыток, убедил их в том, что попытки эти не соответствуют требованиям жизни и стремлениям белорусских масс» [6, с. 1]. Ориентация на создание белорусского литературного языка является ошибкой, поскольку не поддерживается самими белорусскими крестьянами. Так, крестьянин, по мнению публицистов, «охотно при первой возможности ... переходит от архаичного белорусского говора к более живой и богатой русской литературной речи» [7, с. 4].

На страницах правой прессы указывали на тот факт, что на белорусском языке в начале XX в. фактически отсутствовала культурная традиция научной, учебной и художественной литературы. Именно поэтому консервативные публицисты считали, что требование немедленного обучения на белорусском языке не более, чем заведомо ангажированный политический ход редакции «Нашей нівы». Только в одной публикации из проанализированных газетный выпуск выдвигалась идея о введении в начальную школу белорусского языка [8, с. 2–3]. Однако это требование не исключало обязательного изучения русского литературного языка и, повторимся, касалось лишь начального обучения. В большинстве случаев по вопросу о языке обучения публицисты апеллировали к мнению и опыту народных учителей. В частности, в заметке от 10 февраля 1913 г. в «Северо-Западной жизни» отмечалось, что «преподавание всех предметов в начальной школе Белоруссии совершается на русском языке и пользование этим языком никаких решительно затруднений не встречает» [9]. Этот факт может подтвердить «каждый сельский учитель на всем пространстве Белоруссии» [9]. Комментируя прошедший Всероссийский учительский съезд, редакция «Северо-Западной жизни» констатировала как положительный момент, что «не захотели зачислить себя в инородцы только белорусские учителя» [10, с. 1], отказавшись поддержать идею перевода начальной школы на белорусский язык. В материале от 24 июня 1914 г. вновь делается ссылка на опыт народных учителей, «которые слишком близко стоят к деревне, чтобы так или иначе не реагировать на движение деревни» [11, с. 11]. Исходя из этого тезиса, автор редакторской колонки в очередной раз интерпретировал тот факт, что многочисленные учителя-белорусы, не выступая за введение белорусского языка в качестве учебного, лишь следовали за настроениями крестьянского большинства белорусских губерний.

Интересно то, что отрицание идеи радикальной белоруссизации вовсе не отменяло обращения к культурному наследию Великого княжества Литовского. Более того, на страницах, например, газеты «Северо-Западная жизнь» подчеркивалось, что в XVI веке можно говорить о белорусском первенстве в области «книжной» культуры. В частности, в

статье от 8 сентября 1912 г. «Прошлое, настоящее и будущее Белоруссии» заявлялось, что именно «в нашей Белоруссии появились первые русские типографии, начали печататься первые русские книги, сначала богослужебные, церковные, а затем и светские полемического содержания» [12, с. 1]. Литовский Статут определялся не только как «первый русский свод законов», но и «самый замечательный памятник нашей западно-русской культуры» [12, с. 1]. В газете «Белая Русь» в публикации от 2 марта 1906 г. при обосновании необходимости преподавания на белорусском языке в начальной школе указывалось на то, что этого «принудительнее требует ... история белорусских словесных произведений» [8, с. 3]. Публицист специально отметил, что В. Тяпинский «взялся за перевод Евангелия на белорусский язык» [8, с. 3]. О деятельности Ф. Скорины говорилось как о «народолюбце», который взялся «перевести на свой родной белорусский язык книги священного писания» [8, с. 3]. Здесь важен сам факт того, что не только не отрицалось существование средневековой белорусской литературной традиции, но даже подчеркивалось, что в XVI–XVII вв. белорусские земли имели культурный приоритет в области книгоиздания перед великорусскими территориями, которые составили политическое ядро формирующегося российского государства.

Вопрос о белорусском языке для публицистов белорусской правой прессы увязывался с их концепцией русской и белорусской идентичностей. В частности, в статье «Белорусский язык» газеты «Северо-Западная жизнь» ее автор утверждал, что «белорусское родное является только частью великого русского родного» [10, с. 1]. На страницах этого же издания, когда писалось о белорусском фольклоре, специально отмечалось, «что это все-таки только часть целого» [13, с. 2]. Русский литературный язык и культура для белорусов осмыслились через символ «общерусского языка и общерусской культуры» [7, с. 3–4]. А белорусская идентичность понималась в контексте большой русской нации (термин Л.Е. Горизонтова, А.И. Миллера), народа, который образуют несколько русских «народностей».

Еще одним из аргументов против создания литературного языка стала уверенность в его искусственности. Конечно, в той или иной мере любой литературный язык является искусственным и не совпадает с живой языковой стихией. Вместе с тем публицисты правой прессы специально подчеркивали искусственность первых опытов белорусской литературной речи. В частности, «особый язык» «Нашей нівы» создается по следующему рецепту: «берут в основу русскую речь, нагревают ее до белого каления польским цеканьем и дзеканьем (30 % – первого и 20 % – второго), взбалтывают его, процеживают через протонародный северо-западный говор и преподносят через час по столовой ложке «штотыдзень» [14, с. 1]. В итоге получается «белорусский волапюк», который лишь «увеличивает безграмотность населения» [14, с. 1]. Отметим, что такая резкая оценка языка первой белорусскоязычной газеты является единичной.

Более развернутая историко-филологическая аргументация отрицания языковой белоруссизации давалась в редакционной статье под названием «Белорусский язык» газеты «Северо-Западная жизнь» от 1 февраля 1914 г. Редакция газеты утверждала, что при сравнении актов XV–XVI вв., написанных на «белорусском» и «великорусском» языках, можно констатировать, что «между ними почти нет разницы» и что это «один и тот же язык, за исключением некоторых провинциализмов» [10, с. 2]. Однако при сопоставлении современного русского литературного и белорусского языков окажется, что различий гораздо больше. Это объясняется тем, что «великорусский язык» прошел длительный путь развития в то время как «белорусский язык был вытеснен из культурной жизни Белоруссии языком польским и на 300 лет приостановился в своем развитии» [10, с. 2].

Аналогичная точка зрения высказывалась и в редакционной статье «Белорусского вестника» от 5 ноября 1912 г. На страницах газеты отмечалось, что белорусский язык в силу исторических обстоятельств «остановился на той стадии своего развития, которая нашла свое отражение в сказаниях, былинах и песнях великороссов» [6, с. 1]. По мнению

редактора «Северо-Западной жизни», белорусский язык является лишь «остатком глубокой старины, это отрезанный от культурной жизни и естественного роста древний западно-русский язык» [10, с. 2]. Даже в случае исчезновения с одной стороны Польши, а с другой стороны Великороссии «со всеми ее культурными и литературными богатствами» белорусский язык «не мог бы развиваться, так как в Белоруссии осталось бы очень много людей, для которых русский является родным, настолько родным, что они на нем не только читают и пишут, но думают и чувствуют» [10, с. 2]. К таким людям принадлежит «вся наша белорусская интеллигенция и даже белорусские сепаратисты, насколько нам удалось это выяснить, хотя и пробуют читать и писать по-белорусски, но думают и чувствуют по-русски». В случае этой гипотетической катастрофы интеллигенции пришлось бы «проводить в Белоруссии общечеловеческую культуру и естественно, что они проводили бы ее пользуясь тем орудием, которое им было доступно, т.е. языком общерусским» [10, с. 2]. Тотальный отказ от русского литературного языка в пользу белорусского сравнивался с возвращением к конным дилижансам в эпоху железных дорог. В качестве доказательства публицист предлагал представить себе исчезновение русского литературного языка с выработанной на нем культурой для того, чтобы «поставить себя перед лицом современной общечеловеческой культуры и литературы с одним только белорусским языком». Создание белорусского литературного языка с одновременным исключением из употребления русского означало бы культурный регресс белорусов «на 300–400 лет назад» и необходимость «делать заново всю ту огромную культурную работу», которая уже давно проделана. Отказ от русского литературного языка трактовался как отключение белорусов от современной европейской культуры. По словам автора статьи «Белорусский язык», «отнять у белоруса это великое наследие – это значит отнять у него единственное орудие движения вперед, к общему уровню культурного развития всех европейских народов» [10, с. 2].

При этом признание того факта, что в качестве литературного языка в силу неблагоприятных исторических причин белорусский существенно уступает русскому, не означало нигилистического отношения к белорусской речи. По словам редактора газеты «Белорусский вестник», «сохранить родные предания, былины, сказки и песни во всей их безыскусственной неприкосновенности на родном наречии – долг наш перед нацией и родным краем» [6, с. 1]. Об этом же писали и публицисты «Северо-Западной жизни», когда в редакционной статье от 4 февраля 1914 г. призывали учителей «не только любить белорусскую народную поэзию, но и собирать ее, изучать и вносить в общую сокровищницу общерусской народной литературы» [13, с. 2]. Интересно, что при этом в принципе не отрицалась возможность создания литературных шедевров на белорусском языке. Так, в своей статье «Белоруссы и «тоже белорусы» автор «Северо-Западной жизни» С.М. Богородицкий писал, что «скудость белорусского литературного творчества искупает пока яркий поэтический талант Янки Купалы» [15, с. 3].

Вместе с тем гораздо больше интереса в правой прессе вызывали мотивы к созданию печати на белорусском языке. На этот вопрос давалось несколько ответов. Во-первых, утверждалось, что создание и поддержка белорусского сепаратизма, т.е. дискурса о белорусах как отдельной славянской нации с отдельным языком, инспирировалось внешней силой. Первоначально на роль инициатора назначались представители польского национального движения. В частности, в редакционной статье «Северо-Западной жизни» от 10 января 1913 г. говорилось, что «у окраинных поляков народилась была идея затормозить движение русского национального самосознания в Белоруссии и направить его по пути белорусской самобытности» [16, с. 1]. Именно поэтому «многие из окраинных поляков перекрестили себя в «белорусов» и начали проповедовать самобытность, или «самостийность» белорусской нации, которая де ничего общего с русским народом не имеет, всегда жила в мире с поляками, вместе с ними работала над созданием польского государства и успела пропитаться польским духом и польскими культурными и национальными традициями» [16, с. 1]. В другой редакционной статье этой же газеты под

названием «Новые этапы сепаратизма» утверждалось, что газета «Наша ніва» «начинает хиреть», поскольку «оставленная поляками» [17, с. 1] не имеет финансирования. Однако, по мнению редакции, поддерживаемая поляками белорусская национальная самобытность, по мере осознания ее сторонниками своей идентичности, привела к тому, что ее представители все «меньше видели оснований для того, чтобы считать себя особым народом» [17, с. 1]. В итоге получилось, что «толчок, данный поляками национальным запросам белорусской интеллигенции» привел к тому, что «движение вылилось в форму уже сознательного стремления к усовершенствованию русского национального сознания» [17, с. 1]. Правда, из этого интеллектуального движения исключались представители «Нашей нівы», оставшиеся, по мнению публицистов правой прессы, на прежних позициях.

По мере приближения Первой мировой войны поддержка «Нашей нівы» возлагалась на Германскую империю, которая, по мнению консервативных газет, формировала белорусский сепаратизм по украинскому образцу. Целью этого враждебного по отношению к Российской империи политического проекта являлось отделение «малороссов и белорусов от великорусов» с целью «причислить их к инородцам» [13, с. 1], что позволило бы резко сократить численность формирующейся русской нации. При этом языковая политика мыслилась как один из инструментов посредством которого будут стремиться расколоть восточнославянское население. Русские, отождествленные только с жителями великорусских губерний, оказались бы в меньшинстве и не смогли бы противостоять объединенным национальным меньшинствам. В итоге «русское государство в конце концов разбито было бы на автономные области, которые на первых порах были бы связаны с общей государственностью, а, со временем, распалась бы на отдельные княжества, королевства и т.д., и великая Российская империя погибла бы» [13, с. 1]. На страницах «Северо-Западной жизни», проследив за реакцией «Нашей нівы» на июльский кризис 1914 г., отметили, что все симпатии белорусскоязычной газеты оказались «всецело на стороне Австрии» [18, с. 1–2]. В этом полемисты газеты увидели косвенное доказательство того, что Россия и сербы как представители славянства являются чужими для публицистов «Нашей нівы». Очевидно, что такие комментарии были более чем прозрачным намеком на прогерманский характер этой газеты.

Вместе с тем на страницах той же «Северо-Западной жизни» обращение небольшой группы белорусской интеллигенции к идее белорусского языка объяснялась не только тем, что за редакцией «Нашей нівы» стояла Германия или «польской интригой», но и внутренними причинами. Движение за придание белорусскому языку статуса литературного зародилось как своеобразная реакция на полонизацию среди католической части белорусского крестьянства, деклассированной шляхты. Так, в статье «Две культуры» газеты «Северо-Западная жизнь» от 20 декабря 1912 г. утверждалось, что белорусы-католики не могут принять польской культуры, которая «чужда духу белорусов как племени исконно русского» [19, с. 1]. Им «приходится переживать тяжелую муку», а выход из «этого трагического положения ... находят ... в «родной мове» [19, с. 1]. Однако перенос этого решения культурного противоречия на православных белорусов не работает, поскольку последние «вовсе не стремятся играть роль париев в русской культуре, а стремятся свободно воспользоваться теми богатыми приобретениями русской культуры» [19, с. 1].

Интересно то, что белорусская речь считалась доказательством принадлежности к русскому народу. В частности, в статье «Задачи белорусской интеллигенции» от 4 января 1913 г. в газете «Северо-Западная жизнь» при описании белорусских крестьян католического вероисповедания указывалось, что у них «нет никакого национального сознания», но зато они сохранили «в своем домашнем обиходе свой родной белорусский язык и свой древний русский облик» [20, с. 1]. В публицистике говорение на белорусском воспринималось как протест против полонизации. В заметке «Куда идти?» от 8 июля 1914 г. журналист газеты «Северо-Западная жизнь», признавая отрицательное отношение к

«белоруссину», писал, что его существование имело бы право в крае «под штандартом «Bielarusa», как некоторый протест против ополячения костела, и как стремление возносить свои мольбы к Богу в костеле, вместо польского языка, на своем родном белорусском наречии» [21, с. 3]. Допускалось также преподавание римско-католическими священниками в начальной школе белорусам-католикам Закона Божия на белорусском наречии. Отнюдь не случайно статья, в которой обосновывалась идея начальной школы с «преподавательским белорусским языком», опубликованная в газете «Белая Русь» от 2 марта 1906 г. называлась «Белорусская школа как средство борьбы против полонизации края» [8]. В редакционной статье «Минувший год» от 1 января 1913 г. газеты «Северо-Западная жизнь» при обсуждении языка преподавания Закона Божия была сделана ссылка на результаты опроса родителей. Опрос семей показал, что «родной их язык «простой», то есть белорусский» [22, с. 1]. При этом данный факт подкреплялся призывом к католическим священникам проявить последовательность в том, чтобы «они перешли бы к преподаванию Закона Божия на языке белорусском» [22, с. 1].

Таким образом, по вопросу белорусского языка позицию местных правых изданий можно попытаться свести к нескольким тезисам. Их публицисты негативно относились к идее создания и внедрения белорусского языка как полной альтернативы русскому литературному языку. Это обуславливалось тем, что, по мнению журналистов, отказ от русского литературного языка приведет к культурному регрессу, утрате доступа к наследию европейской культуры белорусского крестьянства, что сделает невозможным выигрывать белорусов в конкурентной борьбе с другими народами, проживавшими в пределах Северо-Западного края. В частности, указывалось, что на белорусском языке почти полностью отсутствует научная и художественная литература, что исключает возможность перевода обучения на этот язык. Однако это обосновывалось не ущербностью белорусской речи как таковой, а тем, что в период Речи Посполитой последняя утратила возможность развития в полноценный литературный язык, оказавшись сведенной на уровень простонародных диалектов. При этом на страницах правых газет специально подчеркивалось успешное развитие белорусской средневековой литературной традиции, книгоиздания во времена Великого княжества Литовского. В свою очередь русский литературный язык в течение XVII-XIX вв. стал языком современной европейской культуры и трактовался как общий для всех «русских народностей» [6, с. 1]. Культура, созданная на этом языке, являлась единой для всех восточных славян. Публицисты местных правых изданий сознательно выдвигали концепт большой русской нации (русского народа), включавшей в себя белорусов как равноправный элемент. Белорусский язык маркировался как родной для местного населения, но почти всегда считался наречием, диалектом русского языка. В этой связи позитивно оценивался переход на говорение по-белорусски в практике богослужения римско-католической церкви, осуждалось неприятие народной белорусской речи католическими священнослужителями, польской интеллигенцией. Белорусские диалекты и фольклор призывалось сохранять и изучать. В значительной степени неприятие белорусского литературного языка обуславливалось тем, что в его упорном отстаивании белорусскоязычными публицистами «Нашей нівы» видели не столько стремление защитить национальные белорусские интересы, сколько сперва политическую игру польского национального движения, а потом поддерживаемый Германской империей и Австро-Венгрией политический сепаратизм, направленный против Российской империи. Однако в стремлении придать белорусскому языку литературную форму в правой прессе рассмотрели не только внешний фактор, но и протест против полонизации в среде интеллигентных католиков-белорусов, которые не отождествляли себя с православием и русской культурой.

В заключение отметим, что, несмотря на очевидную недооценку потенциала культурного и научного творчества на белорусском литературном языке, публицистика правых газет не была направлена против белорусского языка как такового и в своем

неприятти идей радикальной белоруссизации успешно оппонировала языковой политике «Нашей нівы». В целом история этой полемики является показательным примером того как чрезмерная политизация языкового вопроса негативно сказывается на развитии самого литературного языка и возможности достижения общественного компромисса.

1. Філякоў, У. Перыядычны друк / У. Філякоў // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – С. 424–427.
2. Конан, У.М. Белая Русь / У.М. Конан // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. . А – Беліца – Мн.: БелЭн, 1993. – С. 493.
3. Конан У. Северо-Западная жизнь / У. Конан // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя – Мн.: БелЭн, 2001. – С. 274.
4. Конан У. Белорусский вестник / У. Конан // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Беліцк - Гімн – Мн.: БелЭн, 1994. – С. 7.
5. Трещенок, Я.И. Михаил Осипович Коялович и его время / Я.И. Трещенок // Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинения / М.О. Коялович – Мн.: Лучи Софии, 1997. – С. 674–678.
6. Белорусский вестник. – 1912. – № 20. – 5 ноября – С. 1.
7. Н.Б.Г. Позиции виленских русских нео-демократов / Н.Б.Г. // Северо-Западная жизнь. – 1913. – № 18. – 22 января. – С. 3-4.
8. Митрок, З. Белорусская школа как средство борьбы против полонизации края / З. Митрок // Белая Русь. – 1906. – № 10. – 2 марта. – С. 2–3.
9. Северо-Западная жизнь. – 1913. – № 34. – 10 февраля. – С. 1.
10. Белорусский язык // Северо-Западная жизнь. – 1914. - № 26. – 1 февраля. – С. 1–2.
11. Северо-Западная жизнь. – 1914. – № 141. – 24 июня. – С. 1.
12. Прошлое, настоящее и будущее Белоруссии // Северо-Западная жизнь. – 1912. – № 203. – 8 сентября. – С. 1.
13. Белорусский сепаратизм // Северо-Западная жизнь. – 1914. – № 28 – 4 февраля. – С. 1–2.
14. Ф – ков, Гр. Белорусские эсперантисты / Гр. Ф – ков // Северо-Западная жизнь. – 1914. – № 55. – 8 марта. – С. 1.
15. Богородицкий, С.М. «Белоруссы» и «тоже белоруссы» // С.М. Богородицкий // Северо-Западная жизнь. – 1913. – № 13. – 16 января. – С. 3.
16. Северо-Западная жизнь. – 1913. – № 8. – 10 января. – С. 1.
17. Новые этапы сепаратизма // Северо-Западная жизнь. – 1913. – № 85. – 27 апреля. – С. 1.
18. Шило в мешке // Северо-Западная жизнь. – 1914. – № 164. – 20 июля. – С. 1–2.
19. Н.Б.Г. Две культуры / Н.Б.Г. // Северо-Западная жизнь. – 1912. – № 287. – 20 декабря. – С. 1.
20. Задачи белорусской интеллигенции // Северо-Западная жизнь. – 1913. – № 3. – 4 января. – С. 1.
21. Куда идти? // Северо-Западная жизнь. – 1914. – № 153. – 8 июля. – С. 3.
22. Минувший год // Северо-Западная жизнь. – 1913. – №. 295. – 1 января. – С. 1.